

Всегда сохранявший нечеловеческое спокойствие и хладнокровие Янь Бинъюнь на самом деле превосходно подходил для службы в разведке, но сейчас этот взрыв гнева свидетельствовал о мощи и силе самоконтроля главы разведывательной сети государства Цин в Северной Ци. Ярость, излучаемая взглядом пленника, даже Фань Сяня заставила невольно подумать об укрытии.

Губы Янь Бинъюня дёрнулись, и он очень низким голосом, торопливо, словно сработавшие хлопушки, проговорил Фань Сяню на ухо:

— Сяо Энь всё ещё у нас?

Фань Сянь покачал головой и тихо ответил:

— После переправы У мы передали его Страже в парчовых одеждах. Думаю, он уже в столице.

— Есть возможность убить его?

— Нет.

— Ты пытал его тайну?

Фань Сянь вздрогнул, немного отстранившись от Янь Бинъюня, спокойно посмотрел ему в глаза и спросил:

— Вы знаете о его тайне?

Янь Бинъюнь взглянул на будущего молодого главу, его губы странно искривились, и он ответил:

— Я в Северной Ци четыре года, разумеется, я знаю, что императорская семья не может забыть о Сяо Эне. Хотя я не знаю, в чём эта тайна состоит, но... раз её так высоко оценила императорская семья, значит, Сяо Энь не так уж прост.

Помолчав, Янь Бинъюнь вдруг добавил:

— Ты знаешь, что за человек Сяо Энь?

Фань Сянь покивал и ответил с улыбкой:

— Уверен, я знаю это лучше всех.

Янь Бинъюнь торопливой скороговоркой выругался:

— Раз знаешь, как ты мог позволить этому произойти?

Фань Сянь мирно взглянул на собеседника и медленно произнёс:

— Намерения императора и главы Палаты совершенно ясны. Сяо Энь уже стар, а вы ещё молоды, поэтому в этой сделке мы фактически дёшево отделались.

Янь Бинъюнь снова замолчал. Он не ожидал, что из-за него императорский двор Южной Цин будет готов на обмен Сяо Эня, но как главу северной разведки его это расстроило. Для него уже стало унижением попасть живым в плен Страже в парчовых одеждах Северной Ци, но теперь, когда двору пришлось заплатить такую высокую цену, это, несомненно, стало ещё большим унижением.

Он был очень разочарован и словно сжался в своём белом одеянии.

Фань Сянь спокойно посмотрел на него и сказал:

— Вы умный человек. Поскольку дело уже решено, вы должны тихо возвращаться на юг, чтобы наши потери не стали слишком велики.

Янь Бинъюнь равнодушно промолчал, зная, что чушь, которую сказал этот возникший из ниоткуда будущий глава Контрольной палаты, была совершеннейшей правдой.

— Через три дня я буду ждать вас в посольстве.

Фань Сянь улыбнулся и вышел бок о бок с Ван Цинянем. В сопровождении Вэй Хуа и уполномоченного по вербовке, которые всё это время прождали за дверью, они сели в повозку и вернулись прямо в расположение посольства.

После их возвращения все чиновники государства Цин собрались вместе, чтобы свести воедино события последних нескольких дней, а когда разошлись, остались только Фань Сянь и Ван Цинянь. Фань Сянь, подперев рукой подбородок, глубоко задумался и долгое время молчал.

Ван Цинянь осторожно спросил:

— Господин Фань, о чём вы думаете?

— Почему барышня Шэнь появилась там? — Фань Сянь зевнул и продолжил: — Это может быть потому, что люди Северной Ци хотят запутать нас или по крайней мере ослабить доверие двора

к Янь Бинъюню.

— Как это возможно? — Ван Цинянь не понимал. — Императорский двор, естественно, знает о методах, которые использует господин Янь.

— Дела всегда могут усложниться, — бесстрастно произнёс Фань Сянь. — Если вдумчивый человек захочет что-то сделать, это может обернуться провалом... Кроме того, я всё ещё не понимаю: скажи мне, старина, почему, когда мы пришли к господину Яню, ясно дав понять, что теперь он может вернуться на родину, он ни капли не обрадовался?

— Потому что императорский двор заплатил слишком высокую цену, чтобы вернуть его. — Ван Цинянь долго служил в Контрольной палате и лучше Фань Сяня понимал причуды её сотрудников. Он уважительно сказал: — Если бы господин Янь знал, что императорский двор захочет обменять Сяо Эня на него, возможно, он сразу после ареста предпочёл бы покончить с собой, а не ждать до этого дня.

Фань Сянь, похоже, с трудом понимал психологию чиновников Контрольной палаты. Он нахмурился и спросил:

— Неужто... блестящий служащий Контрольной палаты... действительно... — Он надолго задумался над подобающими выражениями, а потом осторожно продолжил: — Действительно настолько готов пожертвовать собой ради своей страны?

— Да. — Ван Цинянь украдкой взглянул на Фань Сяня и, заметив озадаченное выражение его лица, почтительно сказал: — Я очень восхищаюсь господином Янем, однако, будучи служащим Контрольной палаты, вернее сказать, тайным шпионом императорского двора, при поступлении на службу следует быть морально готовым принести себя в жертву ради государства. Сотрудники палаты привержены одной истине: ради нашей цели позволительны любые средства и любые жертвы.

— Какой цели?

— Всё ради государства Цин. — На лице Ван Циняня отразилось несколько фанатичное воодушевление.

Пальцы Фань Сяня непроизвольно выводили что-то на столе. Сегодня, впервые встретив Янь Бинъюня, он заметил, что тот сидел в кресле в немного странной позе, прямой, как копьё, касаясь кресла лишь ягодицами. Только уходя, Фань Сянь обнаружил, что обе ноги собеседника были прикованы к креслу. Объяснить его позу можно было лишь тем, что на теле Янь Бинъюня не оставалось живого места, повсюду были одни гноящиеся язвы, поэтому он мог сидеть только так.

«Всё ради государства Цин? — Фань Сянь нахмурился ещё сильнее. — Оказывается, они просто идеалисты».

Письмо от императорского двора государства Цин было доставлено дипломатической миссии по официальным каналам. Никаких тайн в нём не содержалось, лишь говорилось, что приближается день рождения вдовствующей императрицы Северной Ци, и приказывалось отложить возвращение домой до завершения этого важного дела.

Дело было не таким уж и важным — в дипломатических отношениях между двумя странами такие вещи, как посещение празднования дня рождения вдовствующей императрицы, всегда были обязательным развлечением. Тем более что в столице у Фань Сяня ещё были кое-какие дела, так что, естественно, он был рад воспользоваться возможностью провести там ещё несколько дней, однако, думая об оставшихся дома красавице жене и младшей сестре, испытывал лёгкое беспокойство.

— На дне рождения вдовствующей императрицы мы представляем наш императорский двор, так что наш подарок не может быть слишком скромным. — Заместитель посланника Линь Цзин задумался: — Как насчёт того, чтобы отправить одного из подчинённых за покупками на улицу Сюшуйцзе?

Услышав слова «улица Сюшуйцзе», Фань Сянь подумал о письме, переданном хозяином винной лавки Шэном, и покачал головой. Воды столичной политики уже были достаточно глубоки, ещё и старшая принцесса издала, из Синьяна, хотела организовать внутренние беспорядки в чужой стране. В эти мутные глубины Фань Сянь решительно отказывался соваться.

— Тогда что дарить? — У Линь Цзина начала болеть голова из-за подарков к дворцовому пиру.

У Фань Сяня уже была идея, махнув рукой, он сказал:

— Я напишу стихотворение, оформим красиво, и сойдёт. — Это прозвучало высокомерно, но несколько подчинённых вокруг него закивали: гений поэзии Фань Сянь не пишет стихи, это всем известно, и, если ради дня рождения вдовствующей императрицы Северной Ци он сделает исключение, это будет считаться чрезвычайным проявлением уважения.

Однако... почерк у Фань Сяня действительно из рук вон плох.

Ван Цинянь начал выдвигать и другие дурацкие идеи:

— Господина Яня в Северной Ци почитают как великого таланта, он хорош и в вэйци, и в музыке, и в каллиграфии и живописи. Он учился каллиграфии у великого наставника Пань Лина, чьи картины год назад в Северной Ци продавались за две тысячи лянов серебра.

Господин Фань сочинит стихотворение, господин Янь напишет его собственной рукой: неужто работа двух талантливых юношей из государства Цин не заставит вдовствующую императрицу Северной Ци выдавить улыбку?

Линь Цзин и Линь Вэнь знали, что Ван Цинянь — доверенное лицо посланника Фаня, и сочли это предложение неплохим. Сейчас они, естественно, знали статус господина Яня, но чувствовали себя как-то непонятно, словно не в силах определить, что же в этом предложении странного.

Фань Сянь сказал с издёвкой:

— Кто такой господин Янь? Я боюсь, что каждый в Северной Ци хотел бы сожрать его живьём. Ты предлагаешь ему написать каллиграфическую работу и преподнести её вдовствующей императрице в подарок на день рождения — не боишься, что она развернёт этот свиток и помрёт от ярости, так что день рождения во дворце превратится в день поминовения?

Ван Цинянь смутился, понял, что его предложение действительно нелепо, и сказал с наглой улыбкой:

— Если бы вдовствующую императрицу Северной Ци можно было разгневать до смерти, это стало бы легендой в Контрольной палате.

Фань Сянь был не в настроении уделять внимание неудачным старперским шуткам и глубоко задумался. Было очевидно, что если Янь Бинъюнь благополучно вернётся в Цин, то благодаря фундаменту, который он заложил в Северной Ци за последние четыре года, и его аресту в этом году, он немедленно продвинется по службе в Контрольной палате. Его отец, Янь Жохай, являлся главой четвёртого отдела, а должность главы первого отдела всегда сохранялась вакантной, и все в Палате знали, что глава Чэнь придерживал её для всё ещё находящегося в заключении Янь Бинъюня.

И если не произойдёт ничего неожиданного, сам Фань Сянь постепенно начнёт прибирать к рукам всё в Контрольной палате — после того, как Чэнь Пинпин умрёт, и он прекрасно понимал, что этот день может быть далёк, а может быть очень, очень близок.

Если Фань Сянь хочет надёжно управлять Контрольной палатой, то он должен командовать людьми этих восьми отделов, и в этом же состоит и его слабое место. За исключением третьего и восьмого отделов, в основном в Контрольной палате у него нет доверенных людей. Первоначально Фань Сянь думал, что, отправившись на север, он сможет завоевать дружбу Янь Бинъюня и таким образом получить поддержку первого и четвёртого отделов. Однако он не ожидал, что, впервые встретившись с Янь Бинъюнем лицом к лицу, он ясно почувствует от него некую смутную враждебность.

Отчего бы это? К счастью, Янь Бинъюнь, похоже, не собирался скрывать эту неприязнь, что принесло Фань Сяню небольшое облегчение.

— Господин, пора, — тихо напомнил Ван Цинянь.

Фань Сянь кивнул, встал и покинул поместье. За его спиной два брата, Линь Цзин и Линь Вэнь, беспомощно переглянулись, задаваясь вопросом, куда сегодня идёт господин посланник.

За воротами поместья ожидали люди хоу Чаннина. Кое-кто во дворце уже отдал приказы, поэтому императорская гвардия, ответственная за охрану посольства, уступила Страже в парчовых одеждах свои обязанности, и те сопроводили повозку к самому шикарному в столице переулку Тайпинсян. С неба сыпал мелкий дождь, в мгновение ока стиравший всякие следы проехавших повозок.

Фань Сянь, будущий глава Контрольной палаты государства Цин, сегодня встречался с господином Шэнь Чжуном из Стражи в парчовых одеждах, главой контрразведки Северной Ци. Встречи глав секретных служб всегда кажутся чрезвычайно таинственными.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/3411486>